

Михаил
Жемцев

ТАМ, ГДЕ СВЕТ СИЯЕТ ГОРНИЙ...

МОЙ РИДДЕР, МОЙ ЛЕНИНОГОРСК

Автовокзал. Рассвет соловый,
Вторые сутки снегопад.
До Зимовья, до Бутаково
Мои автобусы стоят.

Завьюжил горные отроги,
Засыпал перевалы снег.
Твердит одно диспетчер строгий:
– В Лениногорск дороги нет!

Дороги нет! И не предвидит
Никто в делах моих чудес,
Как будто вновь поселок Риддер
В тайге заснеженной воскрес.

С его медвежьей глухоманью,
С его подземной теснотой...
Дороги нет, и мне не станет
Теплей в столице областной.

И я по дому заскучаю,
О младшем сыне загрузу,
Куплю себе в буфете чаю,
Монетой мелкой заплачу.

Шагну к холодной шаткой стойке,
Стаканом мутным обожгусь –
Ругнусь на годы перестройки,
На день сегодняшний ругнусь.

И, глядя как хмельной попутчик
Глогает рядом винный морс,
Чуть слышно для себя озвучу:
«Мой Риддер, мой Лениногорск!»

ИЗ АБАЯ

Современной поры молодежь,
Единенья в умах не найдешь –
Друг на друга вражду затая,
Прячет камни за пазухой сплошь.

Продает честь и совесть она,
Прекратить этот торг не вольна.
Не желает себя утруждать,
Лишь болтать языками сильна.

Мастера незавидной судьбы,
Что за жизнь – каждый день без борьбы?
А напьются, в угаре хмельном,
Как скотина в оглоблях арбы.

Смех из глаз у них брызнуть готов,
Балагуров и весельчаков.
Поехидничать вздумает кто –
Грязь исходит от сказанных слов.

* * *

Помолчи, ветеран, – в тишине
Память сердца острее и строже.
Разговор о единственном дне
Потаенную боль растревожил.

Словно встали из братских могил,
Из-под звезд жестяных и фанерных
Те, кто вместе с тобой торопил
Искупления час, кто был первым.

В поредевших солдатских рядах,
К отступленью не сделав ни шагу,
Грудью лег на родных рубежах...
Вы исполнили с честью присягу.

Слез не прячь, боевой старшина,
Посреди откровенной беседы.

Все святей с каждым годом она,
Опаленная память Победы.

* * *

Над дальней пасекой заря
Созрела рясным, алым плодом.
Не повитуха, а земля
Принять сумела эти роды.

В ее ромашковый подол
Уткнулся мокрый жеребенок.
И распахнулся синий дол
Под ним нежнее всех пеленок.

Он удивительно дрожал,
Глотал густой и теплый воздух.
Он так пронзительно заржал,
Что слышать было невозможно.

Среди высоких спелых трав,
Рассветных криков ранней птицы,
Густую гриву разметав,
Глаза прикрыла кобылица.

И два живительных огня
Над полем обрели единство:
Небесный свет начала дня
И свет земного материнства.

ОТЕЦ (*динтих*)

I

Нас с отцом разделило
безвременье небытия:
Он в апреле погиб –
сорок дней над землёй пролетели,
И дыхание майских рассветов
коснулось меня
На неласковой, вдовьей,
на белой родильной постели.
Сорок дней пролежал в тишине
мой несчастный отец,
И душа его всюду
меня меж живущих искала.

И нигде не нашла.
И взметнулась под лунный венец,
Но от вспышки её
пролегло моей жизни начало.

II

А мне его вовеки не видеть.
– Бог знает, где она, его могила! –
Забывшая мужскую ласку мать
Мне иногда негромко говорила.

С закрытыми глазами, вниз лицом,
Я всё никак не мог представить это,
Что мог бы называть своим отцом
Мужчину с пожелтевшего портрета.
Что только сходство внешнее одно
Объединять повсюду нас должно.

* * *

Архистратига Михаила
Храм представляется вдали,
Там мою матушку крестила
Родня, в младенческие дни.

Был неприветным год тридцатый,
Всех звали в трудовой колхоз,
Ну а «поскрёбыш» верил свято,
За бедноту стоит Христос.

Я раньше в старой Лутне не был,
Но зримо различал окрест,
Над речкой Лутенкою в небе
Высокий православный крест.

Какая жизнь досталась маме:
Война, концлагерь, море зла!
Молитву детскими словами
Она вот в этот храм несла.

Она же верила – поможет
Архистратига образ ей.
И Михаил всего дороже
Казался, ближе и родней.

Когда и я под майским небом
Глаза на белый свет открыл,

То мама объявила: – Это
Явился миру Михаил!

Она ушла в другие дали,
Откуда нет назад пути...
Но в Лутне я вернулся к маме,
Ей поклонился до земли.

ТАЁЖНЫЙ РАССВЕТ

В заповедном логу, между пихт
и берёз светлоликих,
Там, где сон заметеленных снегом
седых кедрочей,
Под белки убегают рассветные
легкие блики,
Словно светят огни заревых
восходящих лучей.

Я стою перед ними,
к скалистым горам вознесённым,
Преклоняю своё существо
под просторы небес.
Скоро грянет весна
на таёжные эти затоны,
И весь мир очарует звериный
и птичий оркестр.

Он под утро прошёл по сугробу,
по гулкому насту,
Широко приседая спросонья –
лохматый медведь.
И сороки в логу заповедном
стрекочут глазасто,
Приходите скорее
хозяина леса смотреть!

* * *

От алтайских, простуженных гор,
Где снега кедрочки заметают,
Виден мне златоглавый собор –
Крест морскую волну ослепляет.
В заповедном распадке найду
Я к Морскому Собору дорогу,

Расскажу, как в таёжном скиту
 Произносится исповедь Богу.
 Две молитвы звучат в тишине
 От скита и Морского Собора.
 Плеск волны часто слышится мне
 И аккорды метельного хора.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Жук, кузнечик, стрекоза.
 Сентября три дня осталось –
 Света трепетная жалость.
 Блекнет неба бирюза.
 Где-то в Питере листва
 Пламенеет и желтеет,
 На заливе дождь быстрее
 Заливает острова.
 Может, осени глаза
 Мне сегодня показались...
 Тёплых дней такая малость...
 Жук, кузнечик, стрекоза.

* * *

Брату Валентину

Три ровка¹ до Пестраковки,
 Два до Лутенки ровка –
 Пять ручьёв текут в Глушовку
 С небольшого бугорка.

Аромат густой, чоборный
 Всюду чувствуется там,
 В ухожаях² мёд отборный
 Расплескался по цветам.

Если очень торопиться
 И скорей домой бежать,
 Можно и воды напиться,
 И домой не опоздать.

Поспешаем по дорожке,
 Вот ровок, ещё ровок.
 А потом ещё немножко –
 Виден пасеки порог.

¹ Ровок (местн.) – временное русло с ручьём.

² Ухожай (местн.) – медовое угодье.

НА БЕРЕГУ УБЫ

Анатолию Иванову

Волной широкой берег омывая,
На плёсах отражая облака,
Течёт веками от белков Алтая
Великая и мудрая Уба.

Какие думы староверов строгих
Она с таёжных вынесла логов,
Чтоб зазвучал для всех житейской прозой
Писатель – Анатолий Иванов.

Он с детских лет ходил по этим тропам,
Он ветром Шемонаихи дышал,
И книг своих написанные строки
В родной округе, на Убе встречал.

Он тут стоял, и мысль текла по волнам,
И находилось много нужных слов:
И «Тени, исчезающие в полдень»,
И «Повитель», и главный – «Вечный зов».

И Марья, образ мужества, печали,
Взметённый ивановскою рукой,
С убовского утёса смотрит в дали,
Как будто оберег земли родной.

КОСТЕР ГОРИТ

*К выходу сборника Ю. Манакова
«Костерок под отвесной скалой»*

Костёр горит... Ты помнишь, как когда-то,
На бучиле, где пенится Ульба,
Мы жгли его, два наречённых брата,
И строилась безвестная судьба.

Какими молодыми оба были,
От высших обучений вдалеке,
Но мы стихи хорошие творили,
И виделся Алтай в любой строке.

Костёр горит... Иркутские проспекты
Ты исходил и вдоль и поперёк.
И манаковский говор твой, приметный,
Байкальский Баргузин с собой увлёк.

Там, за бескрайней далью сахалинской,
Ты жил, но знал, что ждёт тебя Алтай,
И песней материнскою, старинной,
Всё звал тебя к себе родимый край.

Костёр горит... Все выше дым небесный,
Всё ярче пламя светится в ночи,
Вот книгой новой, под скалой отвесной,
Увиделись палящие лучи.

Гори и ты, мой брат, в годах грядущих –
Не замолкай! Талантом золотым
Всех радуй нас! Пусть будет стих насущный,
Тобой воспетый, всем необходим!

* * *

Ах! Ершова-Иртышовна,
Дом твой виден за версту,
Маяком высоким словно
На иртышском берегу.

С Красноярского форпоста,
Из двух речек зачерпнув,
Ты могла бы, очень просто,
Ставить тесто в струях двух.

Куличи б твои богато
Украшали стол любой,
Вместе с ними, любо-свято,
Опрокинуть «по одной».

Только воды в реках наших
Блещут гладью неживой.
В них, Андреевна, не часто
Виден светлый образ твой.

Как хотелось бы, казачка,
Красноярку с Иртышом
Замесить бы в тесте – значит –
Чтоб всем стало хорошо!

И желать тебе, товарка,
Чтоб на много лет вперёд
Заводила тесто сладко
Ты из двух соседних вод.

Чтобы солнце восходило
    Над столешницей твоей,
Чтоб всегда богато было
    От воздушных куличей.
Чтоб с тобою, Иртышовна,
    Мы гуляли много лет,
И лучился долго-долго
    Над тобой небесный свет!

* * *

Оставлю город и деревню,
Всё то, что душу тяготит.
Увижу сумрачную землю
Под тихим шелестом раки.
И, оборвав с отчизной корни,
Забуду музыку стихов.
Но там, где свет сияет горний,
Но там, за гранью облаков,
Мне даль откроется иная,
Мне мир откроется иной...

ПАМЯТИ ДРУГА

Помню, где-то в начале семидесятых годов прошлого века ко мне домой пришли два симпатичных парня. Это были начинающие поэты Михаил Немцев и Юрий Манаков. С тех пор жизнь связала нас навсегда. Мы разъезжались кто в Москву, кто на Сахалин, кто на Колыму, но город Риддер через годы снова сводил нас. Поэты из старейшего в СССР и Казахстане Усть-Каменогорского литобъединения «Звено Алтая» называли нас «Три богатыря», намекая на то, что были мы мужики не хилые.

Сегодня одного из нас не стало. Ушёл из жизни замечательный человек, поэт, прозаик, историк-краевед, руководитель городского литературного объединения «Писатели Рудного Алтая» Михаил Сергеевич Немцев. Он родился 14 мая 1956 года в Риддере (Лениногорске) Восточно-Казахстанской области. Воспитывался в школе-интернате имени Ю. А. Гагарина. Закончил горно-металлургический техникум и отделение поэзии Московского литературного института имени М. Горького Союза писателей СССР (семинар В. Сидорова и Э. Балашова). Печатался во всеююзных, российских и казахстанских литературно-художественных журналах и альманахах, коллективных сборниках. Активно участвовал в деятельности Риддерского городского объединения «Родник», а с 1985 по 1990 год возглавлял его.

Стихи Михаил стал писать с детства, а 25 февраля 1975 года впервые был напечатан в газете «Лениногорская правда». Вся его жизнь была связана с нашим городом. Более четверти века он проработал в цехах полиметаллического комбината, в том числе около десяти лет – в условиях подземного горного производства. Избирался на руководящие выборные должности, был директором

санатория-профилактория ЛГОК ТОО «Казцинк». На пенсию ушёл с должности заведующего Риддерского филиала музея ТОО «Казцинк».

Член союзов писателей Казахстана (2000) и России (1999). Автор более двадцати пяти книг, из них шесть сборников поэзии и два поэтических иллюстрированных альбома, переведённых на казахский и английский языки (художники М. Петрачкова и А. Карпеев).

Михаил Сергеевич – участник фестиваля поэзии «День Абая». Возглавляя городскую студию поэзии «Радуга», редактировал книги наиболее талантливых студийцев. Он лауреат премии акима Восточно-Казахстанской области 2007 года «За вклад в развитие литературы области» и VII Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо – 2010». Награждён медалями имени А. П. Чехова, 55-летия Московской писательской организации и 90-летия ВЛКСМ, академик Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург).

Особая заслуга М. С. Немцева – это исследование истории родного края. Его книги «Филипп Риддер и его время», «Риддерская концессия Лесли Уркварта», «Видописец Риддера», «Под вершинами Трёх Братьев» стали энциклопедией для школьников и студентов, изучающих Рудный Алтай.

Почётный гражданин города Риддера, он до последнего дня руководил литературным объединением «Писатели Рудного Алтая».

Закончить воспоминание о своём друге я хочу стихотворением, которое посвятил ему давным-давно, когда смерть проходила мимо, не касаясь нас.

Грустил поэт, встречая солнце
Через раскрытое окно.
Будило утро город сонный
Испить осеннее вино.

А на соседней койке старец
Свой супчик медленно хлебал
И говорил ему устало,
Что предсказуема судьба:

– Ты будешь жить, а я нажился,
Сей мир оставлю налегке...
И трепетала синим жилка
На серебрящемся виске.

Он помолчал.
– Схожу за солью, –
Неслышно выскользнул за дверь,
В палате ласковое солнце
Согрело смятую постель...

Но зря заботилось светило:
Остыл несоленным супец.
Сил у болезного хватило
Пройти всего в один конец.

Скорбел поэт о бедах мира,
От тяжких дум теснило грудь,
И пела траурная лира
Об уходящих в звёздный путь.

Как больно нам душой босою
Касаться острых лезвий зла.
Ты не ходи, мой друг, за солью,
Пора ещё не подошла.

Октябрь 2009 г.

В те дни его болезнь только начиналась. Через десять лет, в день прощания с Михаилом, я продолжил старое стихотворение.

...Но он, упрямый, не послушал
Вполне разумного совета.
И, опечалив наши души,
Теперь за гранью тьмы и света.

Господь, естественно, расставит
Всё по своим местам, как надо.
Ушедших в вечности прославит..
Но что ему теперь награды!

Лишь память наша обеспечит
Его среди нас высокий статус,
А он в сияющую вечность
Ушёл, чтоб в памяти остаться.

А друга нет, и в мире осень
Играет роль свою на совесть...
Я отвечаю, если спросят,
Что он вчера «ушёл за солью...»

К. Первущин

11.10.2019 г.

